

коллекция

КАРТАН

истории

ПОДАРКИ!
Подробности на стр. 29

Семья
Василия
Ливанова
Первое
интервью после
выхода сына
на свободу

Отец
Виктора Цоя:
«Я понял его —
в такую женщину
действительно
можно влюбиться...»

Павел Глоба
Узнай тайный
код своего
имени

Трагедия
«товарища Сухова»
«Муж умер не от болезни.
Он покончил с собой»
Признание вдовы
Анатолия Кузнецова

Алена Хмельницкая:
«Мы с Тиграном
не перестали общаться»

ISSN 1818-4383

9 771818 438774

02

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** историй

стр. 148

В НОМЕРЕ:

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

148

Павел Глоба
Код имен

ПРОЗА ЗВЕЗД

12

Алена Хмельницкая
Новая глава

38

Ливановы: Василий, Елена,
Борис, Ева
Возвращение

76

Елена Метелкина
Жизнь инопланетянки

стр. 38

стр. 76

стр. 180

ИМЕНА

120

Петр Соколов
Кюнна

162

Роберт Цой
Отец за сына

180

Александра
Ляпидевская-Кузнецова
Непридуманная история

ФАНТАЗИИ

Проекты Екатерины
Рождественской

110

Лети с приветом,
вернись с ответом!

174

Частная коллекция

стр. 162

ФОТО: МОСФИЛЬМ-ИНФО

стр. 110

Фото: Павел Щелканцев
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Оксана Тасуева
Продюсер: Екатерина Шутылева

АЛЕНА ХМЕЛЬНИЦКАЯ

НОВАЯ ГЛАВА

После расставания наши отношения с Тиграном в чем-то стали даже лучше. Слава богу, оба понимаем: как бы ни складывалась жизнь, мы навсегда связаны нашими детьми и останемся близкими, родными людьми...

Свадьба родителей, 1960 год

стащить или отнять, чтобы я за ней бегала, ругалась. И в сказках больше всего интересуют конфликты. Недавно рассказывала ей в лицах «Золушку», и она попросила: «Мам, а покажи еще, как мачеха ругается. Что она Золушке сказала?» Я думаю, озорство для нее не просто развлечение, а один из способов познания мира.

Ксюня очень упрямая, и ей сложно переступить через свой характер. Решила не здорваться — и не будет ни за какие коврижки. Я прошу:

- Скажи «Доброе утро».
- Нет.
- Почему? Разве трудно?
- Нет.
- Ну всего разок!

Мама не только в театре ставила всех в первую позицию, но и дома. Ее решения не обсуждались. Мы относились к «диктату» спокойно, с юмором

Нашей старшей, Александре, уже двадцать. Младшей, Ксении, четыре с половиной. Она девочка с характером. Энергии — море, Ксюня не переставая бегает, прыгает. Сначала скакала по диванам и стульям, потом я купила батут. Теперь она на нем «разряжается». При этом может быть очень усидчивой, часами что-то рисовать или раскрашивать, если ей интересно. А потом опять сорваться с места. Когда выходим на прогулку или в театр, она все время пы-

тается убежать. И никогда не оборачивается, не ждет, как Саша. Со старшей дочкой я была спокойна, знала: если потеряется, сама найдет меня в толпе. А Ксюша летит словно стрела, не оглядываясь.

С ней не соскучишься. У меня теперь молниеносная реакция. Я научилась, будто фокусник, выхватывать из рук дочки мобильные телефоны, ножи и другие предметы, которые маленьким детям брать не разрешается. Ксюшу ужасно прикалывают конфликтные ситуации, ей нравится что-нибудь

— Нет! Нет!

На глазах выступают слезы гнева. Я ее наказываю, но Ксюша стоит на своем.

Ей все приходится повторять по десять раз. Кричишь «Ксюша! Ксюша!», а она не обращает внимания или ушла в себя, слишком сильно увлечена игрой. Вывести дочку из этого состояния удается не сразу. На детской площадке иногда просто хватаю ее в охапку, чтобы увести домой.

Я тоже упертая и понимаю, что в таких ситуациях ребенку надо дать понять, кто «во-

жак стаи», вот и перебарываю ее, стараясь не поддаваться на слезы и крики:

— Не хочу! Не буду!

— Нет! Будет так, как я сказала.

Гнать свою линию очень сложно. Ксюшка такая маленькая, и я так люблю ее и жалею, когда она плачет! Но если не настаивать на своем сейчас, потом будет еще тяжелее. Дочка ведь уже все понимает и пытается манипулировать взрослыми. Не «из вредности» — у нее просто возраст такой. Она учится общаться и следит за реакцией окружающих. Сегодня упрямится, а завтра может стать шелковой. При этом Ксюша очень лобознательная, ей нравится

учиться. Она уже третий год с удовольствием занимается английским, ходит три раза в неделю в детскую группу. Схватывает все очень быстро, но ведет себя не всегда идеально.

Тигран иногда смотрит на Ксюню с нескрываемым изумлением. Потом переводит глаза на меня и спрашивает: «И что с этим делать?» А я толком и не знаю, сама постепенно учусь обращаться с нашим маленьким «энерджайзером».

Все говорят, что внешне Ксюша — вылитая я. Да, сходство есть. Дочка, безусловно, ярче и «восточнее», но очень похожа на меня в детстве, достаточно посмотреть мои фотографии. Однако по характеру она просто бандитка! А я

была спокойной, воспитанной девочкой.

Мои родители, Валентина Савина и Александр Хмельницкий, двадцать лет танцевали в Большом театре. Звезд балета я видела не только на сцене, но и у нас в гостях, и в Серебряном Бору, где у Большого был свой дом отдыха. Там Андрис Лиєпа когда-то учил меня кататься на скейтборде. По сравнению со мной он был уже совсем взрослым и лихо рассекал на доске, которую мы видели впервые. У нас в поселке была горка, там Андрис с друзьями разогнались и прыгали, как с трамплина. Мы, малыши, смотрели на эти трюки разинув рот. Потом я тоже неплохо каталась, пока

С мамой

Папа с Екатериной Максимовой — одноклассницей по хореографическому училищу

ной карьеры папа несколько лет преподавал в альма-матер. Мама окончила балетмейстерский факультет ГИТИСа и очень быстро получила признание. Поработать за границей ее впервые пригласила Лепешинская, тогда уже преподававшая на Западе. Русскую балетную школу там неизменно ценили, и с подачи Ольги Васильевны мама стала ездить как балетмейстер в разные страны. Папе тоже нашлась работа как педагогу.

Родители легки на подъем, но «мотором» обычно выступает мама. В нашей семье она всегда была лидером, может потому, что Близнецы по гороскопу и ее энергии хватает на двоих. Мы шутили: когда засыпает один Близнец, просыпается другой. Мама не только в театре ставила всех в первую позицию, но и дома. Ее решения не обсуждались. Мы относились к «диктату»

Ходят легенды о жутких интригах, царящих в балете Большого театра. Может, время было другое, но я от родителей такого не слышала

не украли скейт, привезенный родителями из-за границы.

Сейчас ходят легенды о жутких интригах, царящих в балете Большого театра. Не знаю, может, время было другое, но я от родителей ничего

такого не слышала. Они дружили со многими артистами, особенно с Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым — одноклассниками по хореографическому училищу. После завершения балет-

спокойно, с юмором. Папа маму обожает и ради нее готов на все. У них идеальный брак.

Я очень люблю их обоих и жалею, что редко вижу. Родители уже давно живут в Берлине и в Москву, скорее всего, не

С Владимиром Васильевым и Екатериной Максимовой родители дружили с юности

бушке: «Ну как там Алена? У вас все в порядке?» Банальный синяк или ссадина воспринимались как трагедия, но тем не менее аппендицит у меня проглядели. В восемь лет я чуть не погибла от перитонита. Несколько дней болел живот, но участковый врач почему-то не забила тревогу, и я просто лежала дома. Когда состояние резко ухудшилось, пригласили другого доктора, срочно отправившего меня в стационар. Хирург сказал: «Девочка чудом осталась жива. Еще пара часов,

В больнице я находилась сначала в реанимации, у которой вместе с моими родителями сидели их друзья, в том числе Максимова с Васильевым

вернутся. Слишком «вросли» в заграничную жизнь. К тому же в Германии очень качественное здравоохранение и у них солидная страховка, оплаченная годами упорного труда. После семидесяти медицинский фактор имеет большое значение. Знакомства и наработанные связи тоже нельзя сбрасывать со счетов. Папа и мама привыкли к спокойной, налаженной жизни. Сейчас они работают не так напряженно, как раньше, но маму по-прежнему приглашают в качестве балетмейстера. И папа востребован.

Маленькой я любила надевать на себя мамину балетную

пачку и танцевать, но меня отвели на художественную гимнастику. Позднее к ней добавился еще и настольный теннис. Родители часто уезжали, гастроли продолжались не меньше месяца, и меня оставляли на бабушек и дедушек. В основном на Марию, мамину маму. Все до глубокой старости звали ее просто по имени. Мария дожила до девяноста восьми лет, сохранив ясный ум и легкий характер. Ее не стало всего два года назад.

По тогдашним меркам мама родила довольно поздно — в тридцать два — и, конечно, тряслась над единственной дочкой. Без конца звонила ба-

и мы бы ее не спасли». Мама в тот день поседела.

В больнице я находилась около месяца, сначала в реанимации, у дверей которой вместе с моими родителями сидели и все их родственники и друзья, в том числе Максимова с Васильевым. Позже лежала в общей палате на восемь человек. Мама устроилась санитаркой, чтобы ухаживать за дочкой. (Родителям не разрешалось оставаться в больнице с ребенком. Этот дикий запрет сохраняется до сих пор.) Она мыла полы и заботилась не только обо мне, но и о других детях. Соседи по палате, по моему, немножко расстрои-

лись, когда «мы с мамой» выписались. А я была счастлива наконец-то вернуться домой.

Жили мы на Арбате, на улице Мясковского (теперь это Большой Афанасьевский переулок). Моей ближайшей подругой была Маша Чечик, соседка по дому, на год старше и тоже из балетной семьи. Папа ее танцевал в ансамбле Игоря Моисеева, мама — в «Березке», а сама она — в ансамбле имени Локтева. (Потом, став взрослой, Маша тоже работала у Моисеева, как и отец.) Мы дружим до сих пор. Она даже не подруга, а мое второе я. Жаль, общаться в основном приходится по телефону и скайпу — несколько лет назад Маша переехала с семьей в Канаду.

Канадское гражданство она получила давно, еще в девяностые, когда жила в этой стране со своим первым мужем. Там и дочку Дашу родила. После возвращения в Москву Маша вышла замуж за актера Алексея Серебрякова. У них двое мальчиков — Дания и Степа. Они мои крестники. В 2010 году Серебряковы решили, что детям лучше расти и воспитываться за границей. Выбор, вполне естественно, пал на Канаду. Было бы глупо не воспользоваться Машиним гражданством. Леша приезжает довольно часто, он много снимается. А Маша бывает редко...

Наверное, мне на роду было написано стать актрисой, ведь я росла в театральной среде. Но моя судьба могла бы сложиться совсем иначе, если

бы в детстве я не попала в «Ленком». Мама была ассистентом Владимира Васильева, ставившего танцы в легендарной рок-опере «Юнона и Авось». Однажды я пришла с ней на репетицию, и, выражаясь современным языком, у меня просто снесло башню. Я «заболела» театром. Большой не производил такого впечатления. Он существовал

в моей жизни с самого рождения и был практически родным домом, а «Ленком» ошеломил. Прежде всего своей потрясающей энергетикой. Театр был на невероятном подъеме, и это чувствовалось везде и во всем. Жизнь кипела не только на сцене, но и за кулисами, разговоры там велись не такие будничные, как обычно. Все актеры «горели»

ла, и тогда звучала музыка. Шумное, взрывное начало характерно для многих постановок Захарова. Еще девчонкой я слышала, как он объяснял на репетициях: «Поймите, люди пришли в театр после работы, с кучей проблем, и мы должны привести их в чувство, переключить внимание. Для этого нужен небольшой шок». Слышать-то слышала, но даже подумать не могла, что когда-нибудь тоже буду играть в «Ленкоме»...

В Школу-студию МХАТ поступила с первого раза. Сама. За год до этого родители уехали в Испанию по контракту и предлагали отправиться вместе с ними. Но у меня были другие планы: собиралась в театральный.

У нас был хороший, яркий курс, которым руководил Иван Михайлович Тарханов. (Мы стали последним его выпуском.) Со мной учились Го-

Моей ближайшей подругой была Маша Чечик. Она вышла замуж за Алексея Серебрякова. У них двое мальчиков — Даня и Степа. Мои крестники

новым спектаклем. Неудивительно, что «Юнона...» взорвала театральную Москву!

Энергия творчества — удивительная вещь, ее чувствует даже ребенок. Я понимала, что на моих глазах рождается чудо, и все остальное меркло в сравнении с ним. Не знаю, сколько раз посмотрела «Юнону и Авось». Пятьдесят? Сто? И всякий раз это было потрясение, восторг. Видимо, я че-

ловек Захарова. Все его «фирменные» приемы, музыка, дымы, выстрелы мне абсолютно близки и понятны. Я ведь, можно сказать, выросла на режиссуре Марка Анатольевича, и в театре меня не проймешь никакими спецэффектами. Те, кто видел «Юнону...», наверняка помнят, как начинался спектакль. Выходил Павел Смеян, доставал пистолет и «стрелял» в зал. Публика аха-

ша Куценко, Слава Разбегаев и моя подружка Катя Семенова. Это из тех, кто, скажем так, на виду. Мы начинали в довольно тяжелое, переломное время, и многие ребята были вынуждены поменять профессию. Школу-студию окончили в 1992 году. Конечно, не только учились, но и влюблялись. Замуж первой из наших девчонок вышла Катя Семенова — за Антона Табакова — и

В спектакле «Ленкома» «Юнона и Авось», 1992 год

Это было сказкой, чудом! Голова кружилась от мысли, что играю в «Юноне и Авось», и не где-нибудь, а на Бродвее. В девятнадцать-то лет!

на втором курсе родила сына Никиту. Я стала его крестной матерью и часто оставалась с малышом, когда Катька уходила в театр. Она уже репетировала «Ундину» во МХАТе. Ее партнерами были совсем молодые Володя Машков и Сережа Колесников. В перерыве подруга обязательно звонила:

— Алэн, ну как там Никитос?

— Он не спит! Плачет! Отказывается от бутылочки! Я не знаю, что делать!

— Ничего страшного. Положи ему руку на голову и пой колыбельную.

— Какую?!

— Ну хотя бы «Спят усталые игрушки». Держись! Скоро приеду.

У Кати не было няни. Иногда помогали родители, но они работали, приходилось подключаться подругам. Первое время я была в ужасе, совершенно не понимала, как обращаться с младенцем. Потом не-

много освоилась. Катька, впрочем, знала не больше меня. Говорят, первый ребенок — последняя кукла. Вот мы и играли в дочки-матери.

В наше время все намного проще: к услугам родителей любые смеси, памперсы, девайсы. Антон, в принципе, доставал все самое необходимое, но я хорошо помню, как мы с Катей тряслись над импортными подгузниками. Иногда вынимали использован-

ный вкладыш и вставляли в трусики советские прокладки. Главная фишка памперса заключалась в наличии застежки на липучках, и мы берегли их как зеницу ока. Не дай бог, туда попадет какой-нибудь крем или масло — памперс будет испорчен! Вспоминать это и смешно, и грустно...

О том, что в Москве идет кастинг на роль Кончитты, я узнала от Кати. Осенью 1989 года «Ленком» готовился к гастролям в Америке. Целый месяц театр должен был играть «Юнону и Авось» в Нью-Йорке. Принимающая сторона требовала, чтобы у исполнителей главных ролей были дублеры, второй состав. Тогда Витю Ракова ввели на роль жениха Кончитты — Фернандо, которого играл Саша Абдулов, Юру Наумкина — на роль Резанова, в которой блистал Николай Петрович Караченцов. Но вторую Кончитту в своей труппе Захаров почему-то найти не мог.

Этот кастинг был подарком судьбы, я, конечно, не могла в нем не участвовать. Катя тоже загорелась. На роль Кончитты пробовались десятки девушек. Мы проходили своеобразный танцевально-песенный конкурс, на котором исполняли определенную сцену из спектакля. Нас смотрела целая комиссия с Марком Анатольевичем во главе. Высту-

пать перед такими людьми само по себе страшно, мне же было страшно вдвойне, ведь большинство присутствующих знало меня с детства. Не знаю, что со мной было бы, если бы я провалилась, но такой вариант даже не рассматривался. С моей предысторией — детской любовью к этому театру и спектаклю, который знала

наизусть, — я должна была пройти!

После первого тура мы с Катей остались единственными претендентками на роль. На втором Марк Анатольевич захотел послушать, как актрисы читают, чтобы сделать окончательный выбор. Готовились вдвоем. На протяжении нескольких вечеров сиде-

**С подругой Катей Семеновой.
Мы обе пробовались
на роль Кончитты**

ли у Катьки на кухне и в жуткой трясучке читали друг другу отрывки. Это было похоже на подготовку к поступлению в институт. Я на нервной почве похудела на несколько килограммов. Кусок не лез в горло.

На прослушивание обе пришли на ватных ногах. В зале сидели Марк Анатольевич Захаров, Николай Петрович Караченцов и завтруппой «Ленкома» Инна Георгиевна Бом-

ко. Когда показали отрывки, они ушли в кабинет Захарова совещаться. Мы с Катькой ждали в коридоре. Нам сказали, что позовут.

Это были ужасные минуты. Стояли под дверью и молчали, не зная, как себя вести. Вроде бы конкурентки, но при этом лучшие подруги, практически сестры. Сначала пригласили Семенову. Когда она вышла, Захаров сразу позвал меня, я не успела переки-

нуться с Катей ни единым словом. В кабинете Марк Анатольевич сказал: «Наверное, можно было продолжить искать Кончитту, но времени на это уже нет, и на данный момент вы, пожалуй, подходите нам больше других. Так что оформляйтесь. Вводитеесь на роль и готовьтесь к гастролям». Не могу передать, что пережила в этот момент!

Катька, конечно, расстроилась, что ее не выбрали, даже

заплакала. А мне сказала: «Знаешь, тебе было бы гораздо хуже. Я как-нибудь переживу». Она знала мою историю, знала, как отношусь к «Ленкому» и «Юноне и Авось», и у нее была «Ундина» — неплохое утешение. Мы не то что не поссорились, между нами не возникло даже тени какой-то обиды...

«Ленком» должен был подготвиться к гастроям в не-

В «Ленкоме» проработала четыре года, но «романа» с ним не получилось. Помимо «Юноны...» я участвовала только в «Поминальной молитве». Выходила в массовке еврейских и русских девушек, создававших своими танцами фон для главных героев. Конечно, это было счастье — находиться на одной сцене с Евгением Павловичем Леоно-

на съемках, тусовках, здоровались, перебрасывались парой фраз: «Привет!» — «Привет». — «Как дела?» — и все. Я не рассматривала его как потенциального бойфренда. У меня была куча таких знакомых. Тогда все друг друга знали, театрально-киношный мир, в котором мы оба вращались, был гораздо меньше, чем сейчас, и гораздо проще. Напри-

Тигран предложил сняться у него в рекламе. Рабочие отношения очень быстро переросли в близкие. Вскоре мы уже готовились к свадьбе

реально короткий срок, и на мобилизацию труппы бросили все силы. Приходил даже Владимир Викторович Васильев — подтянуть нашу хореографию. Со мной каждый день занималась Елена Шанина, первая исполнительница роли Кончитты. Кроме этого были песенные и разные другие репетиции и чуть ли не каждый день прогоны.

В Москве до отъезда на гастроль я не успела выйти на сцену ни разу. В Америке играла утренники по выходным — с Караченцовым. Марк Анатольевич так и не выпустил его дублера Наумкина. Да и мне дали сыграть далеко не сразу. В вечернем спектакле с Николаем Петровичем Караченцовым вышла на сцену всего один раз. Но все равно это было просто сказкой, чудом! Голова кружилась от мысли, что играю в «Юноне и Авось», и не где-нибудь, а на Бродвее. В девятнадцать-то лет!

вым и Татьяной Ивановной Пельтцер, наблюдать за игрой великих артистов. Но хотелось большего, а ролей не предлагали. Какой-то альтернативы, антрепризы или практики приглашения актера в другой театр на «гостевую» роль тогда еще не было. И все равно я с большой теплотой вспоминаю эти годы и людей, с которыми посчастливилось работать. Конечно, в основном общалась с молодежью. Особенно тесно с Сережей Вольтером (он работал младшим администратором, а теперь первый заместитель директора театра) и его женой Светланой — ныне замечательным художником по костюмам. С Сашей и Алиной Лазаревыми мы с Тиграном дружили семьями и после моего ухода из «Ленкома», а потом еще стали соседями по коттеджному поселку...

Еще до нашего романа мы с Тиграном часто сталкивались

мер, можно было запросто завалиться к кому-нибудь на съемки. Так мы с Егором Кончаловским пришли однажды к Тиграну. В тот день встретились на «Мосфильме», и Егор сказал: «Слушай, во дворе Кеосаян что-то интересное затевает. Пошли посмотрим!» А тот снимал клип Ирине Аллегровой. Жизнь кипела, шоу-бизнес только зарождался, и все «творили» буквально на коленке.

Однажды Тигран предложил сняться у него в рекламе. Рабочие отношения очень быстро переросли в близкие. Мы поселились у меня на Смоленке и вскоре уже готовились к свадьбе.

Организацией торжества занимались Тигран и его старший брат Давид. Нам всем хотелось чего-то особенного. Мы даже собирались сыграть свадьбу за границей, но поняли, что не потянем по деньгам. Не знаю, у кого возникла

идея зафрахтовать кораблик, но получилось очень здорово, и погода не подвела: стоял прекрасный летний день. Проплыли по всей Москве-реке. По дороге к нам подсаживались гости, а другие, наоборот, высаживались. Играл оркестр, все танцевали, пели, произносили тосты. Народу было много. На торжестве присутствовал и отец Тигра-

руками и каждый раз боялась рухнуть.

Выслушав вердикт врачей, позвонила Караченцову:

— Николай Петрович, тут такая ситуация. Даже не знаю, как сказать. Через два дня «Юнона...», а играть я не могу.

— Почему?

— Беременна. И это не рассосется. (Шутка основывалась на легендарной фразе Марка

так получилось, хотя когда-то мечтала о «Ленкоме». С театром не сложилось, а я не привыкла навязываться, выпрашивать роли. Должно быть «встречное движение»...

Рожала в Стокгольме, исключительно из-за того, что там работали родители, а мне в этот сложный и ответственный момент хотелось находиться рядом с мамой. Они с

После рождения ребенка жизнь обретает смысл. По-моему, люди, у которых нет детей, вообще не знают, что такое любовь и ответственность

на, Кеосаян-старший, режиссер легендарных «Неуловимых мстителей». Эдмонд Гарегиневич уже тяжело болел, но в тот момент у него как раз был период ремиссии после курса химиотерапии, и он смог за нас порадоваться. А вот нашу с Тиграном дочку дедушка уже не увидел...

Саша появилась на свет через год после свадьбы. Я мечтала о ребенке и была рада узнать о своей беременности. Пару месяцев работала, а потом врачи сказали, что с театром надо завязывать, это опасно. В «Юноне...» я все время бегала, прыгала и даже висела на шведской стенке вниз головой. Самым серьезным испытанием была любовная сцена Кончитты и Резанова. Когда Караченцов пел «Я тебя посвящаю в любовь!», двое артистов поднимали меня на высоту человеческого роста на узкой дощечке. Я стояла с поднятыми вверх

Анатолевича, на полном серьезе сказавшего когда-то беременной актрисе Матюшиной: «Любовь Михайловна, может, это как-то рассосется?») Врачи считают, что надо поберечься.

— Что же делать?

— Не знаю. Театр подводить не хочется, но ребенок важнее.

В то время роль Кончитты в принципе уже была готова у Инны Пиварс, она репетировала, но не успела вестись на роль. Один спектакль отменили, а потом Кончитту стала играть Инна.

Когда родилась Саша, я ушла из театра. Не потому что с появлением ребенка изменились жизненные приоритеты. Мне просто не на что было возвращаться из декрета. Марк Анатолевич мое решение воспринял достаточно спокойно, не счел предательницей. По крайней мере, всегда рад видеть. Я не жалела, что

папой тогда, как по заказу, переехали «на природу». Знакомый риелтор уговорил взять в кредит загородный дом. Мы шутили: для того, чтобы я спокойно родила. Для меня было счастьем оказаться в этом райском месте. Гуляла в лесу, собирала грибы, стригла газон на участке. После родов пробыла там еще месяц. Вскоре родителей пригласили в Германию, и дом продали за ненадобностью.

В Швеции хорошо, в стране прекрасная медицина и нет каких-то социальных разграничений. Я рожала в том же госпитале, что и шведская принцесса, «в обнимку» с мамой. Молодой отец не успел на роды. Саша появилась на свет двадцать первого сентября 1994 года, а Тигран прилетел на следующий день. До этого он был с нами, но ненадолго отлучился в Москву на съемки. Билеты тогда брали заранее, у него была бронь на

двадцать второе сентября. Кто мог знать, что все произойдет на день раньше?

Мы оба были счастливы. У меня вообще перевернулось сознание. Я не понимала, как жила без Сашки. В юности

не особенно задумываешься о каких-то экзистенциальных вещах, живешь как живется, пытаешься реализовать себя, учишься, работаешь, тусуешься, благо энергии на все хватает. Но потом рано или позд-

но встает вопрос: а зачем это, что дальше? После рождения ребенка жизнь обретает смысл. По-моему, люди, у которых нет детей, вообще не знают, что такое любовь и ответственность — не только за себя, но и за кого-то другого.

Александром дочку назвал папа. Точнее, так получилось. Однажды вскоре после нашего знакомства мы с ним говорили о детях, не наших, а вообще, абстрактных. Александр и Александра мои самые любимые имена, и я сказала, что своего ребенка обязательно назову Сашей. Потом Тигран делал вид, что этого не помнит. А у армян принято называть первенцев в честь дедушек и бабушек. Первым из братьев Кеосаянов отцом стал Давид. Сына он назвал в честь отца Эдмондом, дочку — в честь мамы Лаурой. Нам с Тиграном уже необязательно было следовать обычаю, но когда родилась дочка, Тигран сразу сказал: «Ее будут звать Сашей». Не знаю, в честь тестя или нет, мой отец ведь Александр, но все равно я очень обрадовалась и не стала напоминать, что именно этого и хотела.

Нам достался чудесный ребенок, спокойный, здоровый. Я не могла нарадоваться на Сашу, но ее рождение совпало с довольно тяжелым периодом в жизни нашей маленькой семьи. Мы жили только за счет разовых гонораров Тиг-

С Тиграном Кеосаяном и старшей дочерью Сашей

рана от съемок клипов и рекламы и очень быстро их продали. Я не работала. До того как рухнула киноиндустрия, успела сняться только в трех фильмах — «Дом свиданий», «Сердца трех» и сказке совместного российско-германско-датского производства по мотивам «Аленького цветочка», которую сама так и не увидела.

его лучших художников Александр Шешунов. Он был настоящим волшебником, мог взять кусок ткани и в считанные минуты скроить сногшибательный наряд. Началось все обычно с того, что Саша говорил: «Валентина Константиновна, так нельзя! Вы совершенно раздеты!» И брался за дело. Конечно, ему просто нравилось наря-

де, нужно крутиться как белка в колесе и следить, чтобы тебя банально не обокрали. Один мужчина ухитрился за наш счет полностью сменить гардероб, а взамен оставил свои вещи, неплохие, но ношенные. Пока продавщицы после примерки по его просьбе что-то выясняли, искали, выписывали, он просто вышел из магазина — то ли позвонить, то ли

Один мужчина ухитрился за наш счет полностью сменить гардероб, а взамен оставил свои вещи, ношенные. Вышел из магазина — и был таков

Многие наши знакомые, люди творческих профессий, занялись ресторанами, магазинами и жили совсем неплохо. Андрей Деллос и Антон Табаков, открывшие клуб «Сохо», даже решили расширить совместный бизнес. Как-то позвонили:

— Ален, у тебя нет подруги, которая могла бы стать исполнительным директором магазина модной одежды?

— А о каком магазине речь?

— Мы открываем бутик между «Сохо» и «Посольством красоты».

— Зачем вам моя подруга? Сама с удовольствием этим займусь!

Я всегда интересовалась модой. В юности одно время даже подумывала стать художником-модельером и рисовала эскизы платьев и шляпок. Мама тогда ставила показы в Доме моды Зайцева, у нас часто бывали и Вячеслав Михайлович, и один из

жать эффектную женщину. Мама была прекрасно одета и на любых мероприятиях производила настоящий фурор. Люди шеи сворачивали, думали — это заграничная звезда.

А у меня, как только занялась бутиком, довольно быстро наступило пресыщение модой. Я вообще перестала наряжаться, не вылезала из одних черных брюк и черной же водолазки. Наверное, это естественно для человека, постоянно занятого выбором одежды не для себя, а для других. На закупки ездила с подругой Ирой, экономистом по образованию, в Германию, Англию, Нью-Йорк. У нас был мультибрендовый бутик, в котором известные марки соседствовали с нераскрученными. Но вещи были интересные.

Продавать одежду — легкий бизнес, тем более в формате небольшого магазина. Чтобы не остаться внакла-

покурить — и был таков. Хватились слишком поздно.

Спустя добрый десяток лет в сериале «Самая красивая» я сыграла женщину, воруящую одежду. Там была такая сцена: мы с дочкой выходим на улицу из дорогого бутика, я распахиваю широкий плащ, и она видит, что под ним спрятаны вещи. Я их надела на себя в несколько слоев. Девочка спрашивает:

— Мама, ты что, все это украла?!

— Нет, взяла займы. Заработаю деньги — и за все отдам.

Так я «творчески переработала» магазинный опыт. Это отдельный кусок моей жизни: ни на что не похожий, ни с чем не сравнимый. Через три года бизнес потихоньку сошел на нет, бутик закрылся, а кино, наоборот, стало возрождаться, и я начала сниматься в первом российском ситкоме. Он назы-

вался «Дела смешные, дела семейные», и ставил его Тигран. Это была очень веселая и оригинальная история, а не лицензионное «мыло», купленное где-нибудь в Бразилии. Но в эфир «Дела смешные...» вышли чуть позже «Клубнички», поэтому та и считается первым ситкомом. На самом деле пионерами жанра были мы.

Через два года Тигран снял «Бедную Сашу». Фильм получил название в честь нашей дочери. Сценарий назывался «Девочка и вор». По-моему, это замечательная комедия, одновременно и сказочная, и абсолютно реалистичная. Еще через пару лет, когда киноиндустрия оправилась после очередного дефолта, Тигран стал выпускать одну картину за другой и старался занимать меня. Я у него не играла только в «Бедной Саше».

Если мы уезжали в экспедиции, Саша оставалась с Марией. Тигран ее очень любил и считал своей бабушкой. Именно он, когда поженились, предложил, чтобы Мария жила с нами, за что я всегда буду ему благодарна. Мне ее очень не хватает...

Тигран всегда мечтал о загородном доме. У нас в семье ни у кого его не было, и он говорил: «Надо строиться». Мы дружили с Лазаревыми, ездили к ним на дачу, и все в один голос твердили: «Как было бы здорово жить рядом». Но для нас с Тиграном было нелегко даже подумать о покупке участка в элитном поселке.

Земля там стояла слишком дорого.

Весной 1998 года мама неожиданно надумала продать однокомнатную квартиру бабушки. Мария все равно жила с нами. Интересно, что это озарение произошло не когда-нибудь, а за несколько месяцев до дефолта, о котором тогда никто и подумать не мог. Не иначе Бог маму наста-

альных и скучных детей. С точными науками у Саши случались определенные проблемы, как и у всех представителей нашей семьи, но она никогда не собиралась на физмат.

Одно время думали, что дочь профессионально займется музыкой. Она очень способная. Отдали ее в музыкальную школу по классу

— А ты назови мне женщин-режиссеров, добившихся какого-то серьезного успеха!

— Сколько угодно: София Коппола, Лени Рифеншталь...

— А много ли среди женщин-режиссеров счастливых жен и матерей? Тут ведь приходится выбирать: кино или семья.

Надо сказать, что спорить с Тиграном сложно. Он очень

Стресс заедала сладостями. Раньше на нервной почве ничего в рот не брала, а тут поглощала шоколад, мороженое, халву, конфеты. И рыдала

вил. Продажа состоялась летом, и я сразу уехала отдыхать с Сашкой в Испанию. В Москву мы вернулись в конце августа, уже после финансовой катастрофы. Вскоре позвонил Саша Лазарев: «Ребята, вы не хотите встретиться с нашим соседом? Он решил бросить строительство и все продать». Тигран поехал к ним в поселок, поторговался, и мы купили пятнадцать соток и недостроенный дом по цене однокомнатной квартиры.

Это, конечно, было чудом. Но строились мы долго. После удачной покупки из-за отсутствия средств взяли паузу на несколько лет. Ну а когда наконец построились, переехали за город. Жить на два дома оказалось нереально из-за чудовищных пробок. Сашку и так приходилось каждый день возить в школу на Смоленку.

Она хорошо училась, но при этом не была пай-девочкой. Я вообще не люблю иде-

фортепиано, которая так и не была окончена — Сашка увлеклась джазовым вокалом. Она и сейчас прекрасно поет и пишет музыку. Просто для себя. Никогда не рассматривала свое увлечение как профессию.

В принципе, можно было развивать дочкин талант к языкам, она отлично знает немецкий, французский и английский, но еще в детстве Саша увлеклась кино. Возможно потому, что мы часто брали ее на съемки. В кадр она не стремилась, зато с удовольствием помогала отцу. Даже работала у него помрежем и вторым режиссером на картинах «Ялта-45» и «Три товарища». Годам к пятнадцати Сашка окончательно решила заняться кинорежиссурой. Тигран ее довольно долго отговаривал:

— Режиссер — не женская профессия.

— Почему?

убедителен. Иногда слушаешь его и думаешь: «Я ведь права, но не умею донести свою точку зрения. Проще согласиться». Но Саша смогла настоять на своем и выбрала достаточно сложный путь к осуществлению мечты: поступила в Tisch School of the Arts Нью-Йоркского университета, на факультет Film and Television. Для этого надо было получить международный аттестат одной из западных школ. После десятого класса дочь досрочно сдала ЕГЭ и уехала в Англию, где два года училась по системе IB — международного бакалавриата.

Сейчас она живет в Нью-Йорке, учится уже на втором курсе. Я горжусь ею и очень люблю. Мы с Сашкой вообще как две половинки единого целого, так близки с самого ее детства. Внешне она пошла в папину породу, но в общении видно, что мы похожи — и мимикой, и голосом. Нас часто